
НА ГРАНИ ВЕКОВ

О. Н. ЯНИЦКИЙ

ФАЗЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ*

Настоящая работа представляет собой попытку выделить основные фазы эволюции российского экологического движения (ЭД) в критических условиях – распада СССР и перехода к капитализму. Ключевая идея настоящей статьи заключена в том, что ЭД воспроизводилось в стремительно изменявшемся и рискогенном контексте. Причем чем более этот контекст становился хаотичным и отчужденным, тем быстрее ЭД трансформировалось из производителя коллективных акций (кампаний) в сеть неправительственных экологических организаций (НПО), работающих над отдельными «проектами». Другая идея – ЭД рассматривается в качестве одной из сил, производящих и распространяющих экологическое знание. Теоретические разработки и полевые исследования, проведенные мною в 1985–2005 гг., позволяют выделить пять таких фаз.

Фаза I. Позднее бюрократическое социалистическое общество (перед 1985 г.). Перед началом реформ советское общество было относительно стабильным. Однако это не означало стагнации социальной жизни. Напротив, это был период интенсивного формирования гражданских инициатив, молодежных и взрослых, носивших преимущественно креативный характер (разработки на основе накопленного интеллектуалами научного знания и житейского опыта). «Порождающими средами» этих инициатив были университеты, НИИ, общественные организации и некоторые центральные

* Работа выполнена при поддержке РГНФ проект 07-03-00111а.

издания. Эти «среды» играли по отношению к инициативам защитную роль и снабжали их необходимыми ресурсами.

Студенческое движение дружин охраны природы (ДОП), возникшее еще в начале 1960-х гг., находилось в преимущественной позиции, так как биологические, географические и почвенные факультеты университетов были «гнездами» этого движения. Территориальная концентрация десятков педагогов и сотен студентов с общими интересами, библиотеки, молодежные организации и возможность реализации получаемых знаний на практике были главными предпосылками формирования таких «гнезд». Факультеты рекрутировали студентов, а инициативные люди и группы формировали сообщества эоактивистов и движение ДОП в целом по стране.

Производство движения ДОП на этом этапе можно квалифицировать как преимущественно «внешнее», поскольку факультеты (как сообщества профессионалов) были одновременно движущей силой и источником ресурсов для движения. Самореализация и самоидентификация были главными мотивами участия студентов в движении. В других «порождающих средах» ситуация могла отличаться, но роль интеллектуалов в формировании этих ячеек гражданского общества в порах государственной системы была центральной. Этот тип социального производства не был основан на принципе рациональности или анализе «затраты – выгоды». Скорее, господствовал принцип «любой ценой», так как главной движущей силой социальной активности была самореализация. Преобладающими типами социальной рефлексии были творчество и взаимопомощь с сильным гражданским обортоном: «Если не мы, то кто же?» Одна дружина помогала другой. Ориентация на практические дела – исследование, планирование, действие в защиту природы – была чрезвычайно сильной.

На этой стадии мобилизация ресурсов не была проблемой, так как государство и общественные организации снабжали всем необходимым. С одной стороны, названные выше «порождающие среды» выполняли роль аккумулятора и передатчика ресурсов, а с другой – потребности в них у дружин были минимальны – главным ресурсом были сами активисты. Структура политических возможностей движения ДОП была очень узкой, однако структура соци-

альных возможностей расширялась день ото дня, поскольку масса образованных людей в вузах, НИИ, профессиональных клубах и местных сообществах стремились к творческой самореализации. Экологические инициативы тех лет не имели прямых отношений с властными структурами. Формально партийно-государственная машина господствовала над всей жизнью. Однако практически неконтролируемые ячейки экологического активизма становились все более многочисленными и, легализуясь внутри «порождающих сред», все более независимыми. Прямые контакты с экологическими организациями за рубежом были запрещены, однако благодаря легальному обмену между научными, образовательными и культурными организациями такие контакты постепенно налаживались (Яницкий 1996).

Фаза II. Начало либерализации (1985–91). Хотя экономический контекст еще существенно не изменился, политический контекст начал постепенно либерализоваться. Люди становились все более чувствительными к санкциям партийно-государственной машины в отношении акций экологического протеста, нарушению базовых гражданских прав и свобод. Политические факторы приобретали решающую роль в возникновении экологических инициатив и движений. КПСС пыталась перехватить их экологические лозунги, тем самым породив публичный диалог между властью держащими и экоактивистами.

За 25 лет (1960–1985) движение ДОП создало развитую сеть дружин по всей стране (оно включало более 200 ДОП). Однако на этой фазе ситуация стала более сложной, поскольку движение ДОП сформировало уже *собственную* «порождающую среду». Ее ядром были бывшие дружинники, ставшие к тому времени преподавателями, исследователями, журналистами и общественными деятелями. Лозунг движения «У природы везде должны быть собственные люди» создал ему широкую поддержку на периферии. Другой важный сдвиг – это выход лидеров ДОП на публичную арену. Многочисленные неформальные организации создали в совокупности «вторую», отличную от первой «порождающую среду», поскольку поставили очень болезненные социальные вопросы, выходившие далеко за рамки охраны природы. Дискуссии внутри ЭД и ЭД с властными структурами стали одновременно его репродуктивным

механизмом и источником производства актуального социально-экологического знания.

Данный тип производства ЭД я квалифицирую как *самоорганизующийся и самоподдерживающийся*. Все усилия его членов – митинги, манифестации, кампании, пикеты, заявления – были нацелены на завоевание собственной ниши в турбулентной среде советских неформалов. Гласность, самоорганизация и самоидентификация были ключевыми ценностями членов ЭД. Последняя имела особенно большое значение, поскольку «зеленых» стало много – от партийных бюрократов до анархистов. Социальная рефлексия членов ЭД также была подчинена задаче самоидентификации.

На этой стадии мобилизация ресурсов все еще не была проблемой. Главным ресурсом оставались люди, с их уже накопленными знаниями и опытом. «Порождающая среда» получала ресурсы также вследствие дезинтеграции партийно-государственной машины, дружественных общественных организаций и движений. К тому же за прошедшие 20 лет ЭД накопило серьезный ресурсный потенциал (знания, тактики, репертуар политических действий, сети и связи). Однако борьба за доступ к ресурсным центрам уже началась.

Структура социальных возможностей быстро расширялась. Граждане становились все более экологически озабоченными. ЭД получило поддержку от многих других общественных групп и новых лидеров общественного мнения по всей стране. Формально структура политических возможностей оставалась почти неизменной, но фактически она уже была сильно размыта. ЭД старалось не вступать в прямой конфликт с государством, однако их интересы начали пересекаться. Налаживались связи с зарубежными экологическими общественными организациями (НПО).

Фаза III. Поворотный пункт (1991–93). Трудно дать определение состояния советского общества в данный период. Его ключевые ценности и структуры были подорваны. Вместо унитарного общества-государства формировалось множество обществ со своими доминирующими социальными парадигмами, коллективными акторами и скоростью социальных изменений. Представляется, что ключевыми словами-определителями для данного периода являются «конфликт», «диверсификация», «регионализация», «мобилизация». Государство выступало против гражданского общества, де-

мократы против патриотов (традиционалистов) и т. д. «Порождающая среда» снова трансформировалась. С одной стороны, она сжалась, потому что многие прежние эколидеры стали политиками или чиновниками от экологии или вернулись в вуз и НИИ. С другой стороны, она быстро расширялась за счет массовых социальных движений (типа народных фронтов), которые стали выдвигать свои экологические требования и формировать группы экоактивистов. Эти движения продуцировали массовый социальный протест, который быстро приобрел радикальный политический оттенок. Но главная перемена заключалась в быстрой глобализации «порождающей среды» в терминах международного взаимодействия и снабжения финансовыми и организационными ресурсами.

Эту фазу я квалифицирую как сохранительную, потому что главной задачей было сохранить ЭД как самостоятельное. Эта цель была достигнута двумя путями. Во-первых, ЭД попыталось расширить свою социальную базу, выдвинув максимально демократический лозунг «Кто не против зеленых, присоединяйтесь к нам!». Во-вторых, от опоры на свою «порождающую среду» оно перешло к опоре на западные финансовые, технические и организационные ресурсы.

Социальная рефлексия была тоже двойственной. Внешне она носила протестный характер, но по существу была *на-себя-центрированной* и *самоограничивающей*. Фандрайзинг вышел на первое место. Поэтому организации ЭД постепенно перестраивались таким образом, чтобы получать финансовые ресурсы из-за рубежа. Главной формой организации деятельности стал проект, выполняемый закрытой группой, соответствующей ресурсам дискретного гранта.

Структура социальных и политических возможностей была почти неограниченной. Множество экоактивистов стали чиновниками или политиками. Однако, получив новое место, они быстро забыли свои экологические обещания. Отношения ЭД – государство в этот период были двойственны: протест и сотрудничество были двумя сторонами одной медали. В отношении ЭД к своим «порождающим средам» обнаружили две тенденции: дальнейшее дистанцирование от них, стремление сформировать свой собственный корпус профессиональных советников и экспертов. В отноше-

ниях с внешним миром отчетливо прослеживается вестернизация, то есть усиление контактов с западными экологическими организациями и ослабление с российскими плюс общий поворот к западной модели воспроизводства ЭД.

Фаза IV. Воспроизводство в «рыночном» контексте (после 1993 г.). Отчужденность была общей чертой отношения власти и бизнеса к экологическим НПО. Богатое меньшинство и бедное большинство каждое по-своему сопротивлялись экологизации жизни общества и государства. ЭД также разделилось на две части: тех, кто имел доступ к финансовым ресурсам, и тех, кто был лишен его. В ходе регионализации страны и угасания массовых социальных движений местные экоНПО остались лицом к лицу с мощью региональной бюрократии, являющейся основным держателем ресурсов. Фандрайзинг для экоНПО стал делом выживания (Яницкий 2002; Yanitsky 1999; 2000). Постепенно ЭД трансформировалось в слабо связанную сеть местных ячеек, идущих каждая своей дорогой. Включенность в международную сеть стала делом первой важности. Воспроизводство ЭД на этом этапе может быть обозначено как *внешнее и зависимое*, поскольку эти ячейки и сети стали функционировать как элементы межрегиональных и международных зеленых сетей.

Перемены в характере деятельности этих ячеек также существенны. На предыдущей фазе еще были возможны «окончательные» решения (как конечный продукт деятельности ЭД). Соответственно их подготовка и участие в реализации были механизмами производства ЭД и его сетей. В отчужденном контексте «решающий» успех усилий ЭД был трансформирован во множество бесконечных судебных тяжб с бюрократическими и бизнес-структурами. Вот почему главной целью экоНПО стали их самосохранение и выживание. Изменился и тип социальной рефлексии, теперь это – рациональный выбор и анализ «затраты – выгоды». ЭкоНПО стали быстро профессионализироваться и бюрократизироваться, поскольку это давало большие шансы на доступ к ресурсам. Так или иначе, рассматриваемые НПО, подчиняясь общим тенденциям российских реформ, стали рыночно-ориентированными. «Конечным продуктом» стали теперь информация, навыки менеджмента и политические ноу-хау.

Враждебность среды означала также сужение коридора политических возможностей для экоНПО. Власти рассматривали их в лучшем случае как ресурс для бюрократической мобилизации, но не как партнеров в экологической политике. Власти стремятся контролировать их финансовые потоки. Поэтому взаимоотношения между властью и зелеными есть сочетание конфликта и односторонних попыток последних наладить диалог. В результате, как отмечают лидеры российских зеленых, они «ведут только арьергардные бои».

В условиях российского капитализма, порождающего все новые риски и выбросы энергии распада, в совокупности с деэкологизацией государственной политики ЭД способно воспроизводить себя только как сеть профессиональных НПО (Яницкий 2002). Принцип этого воспроизводства – дистанцирование на грани маргинализации. Чтобы адаптироваться к «рыночному» обществу, ЭД должно быть респектабельным и ответственным, соответствовать конкурентному духу времени и производить преимущественно прикладное знание. Ориентация на эти цели означает утерю первоначального характера движения: его ключевые организации трансформировались в формализованные группы активистов, ставших администраторами, или были кооптированы в структуры бизнеса. Кроме того, бюрократы всех уровней с целью доступа к финансовым потокам и повышения социального статуса стали активно создавать квазиНПО. Так что советская бюрократия оказалась чрезвычайно живучей. Но и внутри экоНПО рутина их офисов, особенно в больших международных организациях, ежедневно продуцирует бюрократию. В итоге изначальный аматеризм экоНПО постепенно трансформировался в профессиональный менеджеризм (Yanitsky 2005).

Все же по сравнению с тем, что произошло в российской науке, индустрии и сервисе, экоНПО оказались для их членов *архипелагом стабильности* в океане потерь и болезненных перемен. Эти организации и их сети в течение всего периода реформ выполняли функцию адаптации активистов к неопределенному и враждебному контексту, помогая им переобучаться-в-действии, обеспечивая социальную защиту и эмоциональный комфорт.

Стадия V. Строя политическую партию. В 2004 г. политически активное крыло ЭД, сосредоточенное вокруг «круглого стола» российских неправительственных экологических организаций, начало создавать Объединенную партию российских зеленых. С одной стороны, это заставило многих активистов определиться политически, с другой – этот процесс внес большую долю неопределенности и напряжения в движение в целом, поскольку многие его рядовые члены не были готовы стать политическими активистами, тем более вступить в борьбу с действующими политическими партиями-гигантами. С точки зрения производства социально-экологического знания эоактивисты выступали как его политические интерпретаторы и посредники.

Литература

Яницкий, О. Н.

1996. *Экологическое движение в России. Критический анализ*. М.: ИС РАН.

2002. *Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика)*. Новосибирск: Сиб. Хронограф.

Yanitsky, O.

1996. The Ecological Movement in Post-Totalitarian Russia: Some Conceptual Issues. *Society and Natural Resources* 9: 65–76.

1999. The Environmental Movement in a Hostile Context. The Case of Russia. *International Sociology* 14 (2): 157–172.

2000. Sustainability and Risk: The Case of Russia. *Innovation. The European Journal of Social Sciences* 13 (3): 265–278.

2005. The Value Shift of the Russian Greens. *International Review of Sociology* 15 (2): 363–380.